

В. СОЛОУХИН*

Это было в двадцатом (1950)

Это было в двадцатом суровом году.
Были вьюги в российской советской столице.
Раскалялись морозы, от них на лету
Задыхались и падали мёртвыми птицы.

* *Владимир Алексеевич Солоухин (1924–1997)* — русский советский писатель, прозаик и поэт. Главная тема творчества Солоухина — русская деревня. Представитель т. н. «деревенской» (традиционной) прозы. Был ярким монархистом, носил на пальце перстень с изображением царя Николая II.

Были выбиты стёкла в цехах заводских,
 Индевели станки и молчали моторы.
 Трудно с хлебом — и резали фунт на двоих,
 Трудно с топливом — шли на растопку заборы.
 С перебоем в дома приходила вода,
 Неожиданно свет угасал на неделю.
 Но ведь это в столице, а что же тогда
 От Москвы вдалеке, за декабрьской метелью?

Так он думал, из дальней страны человек,
 Этот город суровый увидев воочью.
 Перед фарами пылью крутящийся снег,
 Переулки, афиш шелестящие клочья,
 Да никчёмность трамвайных завьюженных рельс,
 И над всем — вековые кремлёвские башни...
 Был великим фантастом британец Уэллс,
 Стало страшно Уэллсу от были тогдашней...
 Всё он понял ещё до кремлёвских ворот.
 Предстоящая встреча добавит немного:
 Вся Россия во мгле, полудикий народ,
 К омертвению и тлену прямая дорога.
 Эта схватка миров не похожа на ту,
 Что ему представлялась в часы вдохновений.
 Не к вождю марсиан в темноту, в пустоту
 Шаг за шагом его поднимали ступени —
 Двое рослых, в военной одежде, людей
 От парадных дверей до приёмного зала
 Проводили его коридорами, где
 Под глубокими сводами свет вполнакала...
 Под ногами паркет, позабывший про воск.
 Распахнулась тяжёлая дверь кабинета...
 Что там думает этот загадочный мозг
 Истощённой России, державы Советов?

У вождя кабинет протопили вчера,
 Но сегодня прохладно в его кабинете.
 И внакидку пальто, и сидеть до утра,
 И работать с мечтой о свободной планете.
 Вот британскому гостю движеньем простым
 Предлагает он кресло, обитое кожей.
 «Не угодно ли чаю, пока не остыл?
 Удивительный чай, без варенья, но всё же...»
 А по окнам струя снеговая, как бич.

Без конца и без края страна за стеною...
«Ну а всё-таки что же, Владимир Ильич,
Вы решаете делать с погибшей страной?»
Натянулась беседы суровая нить.
Гость открыто сочувствует, смотрит жалея.
«Мы республику нашу хотим осветить,
Чтобы стало и жить, и работать светлее».
И по карте — от Пинских болот до Кремля,
От Кремля над тайгой — и руки не хватило.
Разве может погибнуть такая земля,
Разве можно такой напророчить могилу?

От движенья пальто соскочило с плеча,
По просторам страны заскользила указка,
И поплыли тогда в кабинет Ильича
За виденьем виденье, за сказкою сказка.
Будто дикие реки сибирских равнин
Перекрыли плотины бетонные наши,
И струится высокая сила турбин,
И летят провода над безмолвием пашен.
Будто вся до конца задымилась тайга,
Засветилась она заводскими огнями,
Будто реки бросают свои берега
И уходят дорогой, указанной нами!
Будто мёртвую степь заливают вода
И лимонные рощи в степи вырастают,
А на месте пустынь — города, города,
И над ними — машин светлокрылые стаи!

Гость ушёл раздражённым, он в Лондоне даст
Интервью о поездку своей за границу
И о том, что сидит утопист и фантаст
За кремлёвской стеной в азиатской столице.
Нам не спорить о том, к нам стучится весна,
Нам мечтать вдохновенно и радостно строить,
Но душа торжеством до избытка полна,
И поэтому хочется крикнуть порою:
— Что ж, мечтатель Уэллс, слышишь нынче меня
Под чугунным надгробьем, замшелым и ржавым?
Что, Россия во мгле? Нет, Россия в огнях!
Нет, в сверканье и славе родная держава!
Это знамя Советов пылает огнем,
Освещая потемки Австралий и Азий.

А о Марсе мечтать? Мы мечтаем о нем.
Коммунистам — и это не область фантазий!